

Алессандро Портелли

Поколения в Генуе, июль 2001 г.¹

1. Родители и дети, соучастие и забота

17 июля 2001 г. в Монтеротондо, маленьком городке, расположенном в 20 милях от Рима, отец везет своего сына на железнодорожную станцию. Сыну, Бруно Лупи, только что исполнилось 18 лет; он едет в Геную, чтобы принять участие в своей первой демонстрации. Его отец Тонино Лупи является мэром Монтеротондо. Он собирается последовать за сыном в Геную двумя днями позже, вместе с делегацией городского совета, надев официальную бело-зеленую ленту, в сопровождении членов совета и облаченных в мундиры местных полицейских, несущих городское знамя. Демонстрация проходит по случаю саммита так называемой «большой восьмерки» — встречи государственных лидеров восьми наиболее экономически развитых стран. Ряд организа-

Алессандро Портелли
(Alessandro Portelli)
Университет Рима, Италия

¹ Данная статья написана в рамках проекта, осуществляемого совместно с группой, включающей студентов (Франческа Паппалардо, Лоренца Паризи, Брунелла Пинто, Сусанна Трифиллети) и преподавателей (Лалла Ди Чербо и я). Проект проводится под эгидой Circolo Gianni Bosio в Риме; записи интервью хранятся в звуковом архиве Circolo Gianni Bosio «Franco Coggiola».

ций — от крайних групп движения «альтернативной глобализации» до церковных пацифистов — призвал к протесту против встречи и ее программы. Ожидается прибытие сотен тысяч людей, и они действительно придут.

Вечером накануне отъезда Тонино Лупи позвонили: его сын Бруно только что арестован в Генуе.

Жена приходит домой, а моя первая мысль «Боже, как ей сказать?» Ну, все-таки я ей сказал и я считаю, что мы оказались смелее, чем думали, особенно моя жена. Мы начали обзванивать всех нужных людей; у нас был номер адвоката из Социального форума¹. Мы договорились о встрече на следующий день. Мы планировали уехать очень рано утром, однако моя жена больше не могла ждать, и, конечно, спать было невозможно, и мы уехали [ночью].

Одной из причин, почему мы не могли уснуть, было то, что когда моя жена пришла с работы, произошло ужасное — смерть Карло [Джулиани]², которая усугублялась тем фактом, что, когда жена пришла домой и увидела Карло [по телевизору], его физический облик, особенно очертания головы, так напомнили Бруно, это была катастрофа. [Потом] мы поняли, что это был не он, нам стало лучше — лучше стало нам самим, однако этот образ — как вы можете спать, когда у вас в сознании этот образ, когда вы чувствуете муку, идентифицируя себя с родителями, потерявшими сына.... мы были не в себе, абсолютно не в себе. И мы отправились в час по полуночи. Городское знамя отправляли на следующий день, его сопровождал человек из городского совета — я позвонил им в восемь часов и сказал ехать без меня, поскольку я занят всеми этими делами...

У Тонино Лупи, его жены и их адвокатов ушло четыре дня безумных телефонных звонков и бесплодных поисков по всем полицейским участкам Генуи на то, чтобы обнаружить сына в тюрьме Алессандрия, куда Бруно был помещен вместе со множеством других демонстрантов, после того как он был незаконно арестован, избит, подвергся жестокому обращению и пыткам в полицейских казармах Больцането — это был один из наиболее жутких случаев проявления жестокости полиции и государства в послевоенной Италии.

Бруно Лупи. Как только мы прибыли [в Больцането], начались избиения; меня вывели из полицейского фургона одним из последних, и я увидел шеренгу входивших людей, получавших свою

¹ Генуэзский социальный форум — головная, «зонтичная» организация, обеспечивавшая одновременно проведение дискуссионного форума и техническую помощь демонстрантам.

² Карло Джулиани был убит полицией во время демонстраций в Генуе.

порцию избивений в качестве приветствия по случаю прибытия в Больцането, им как будто говорили: смотрите, вот что будет. Нас поставили у стены с поднятыми руками и продержали в этом положении все то время, что мы там находились, всю ночь. Это такая трудная поза, что, когда они уводили тебя для своего собственного развлечения — чтобы повалить тебя на пол в коридоре и избить для собственного удовольствия, ты испытывал почти что чувство облегчения, ты почти предпочитал избивение стоянию в этой позе. Были такие, которые просто не могли так стоять, особенно немолодые люди, может быть те, кого уже избивали на улице, или те, с которыми более грубо обошлись по прибытии в казармы. Однако тех, которые не могли так стоять, ждали последствия: наказанием являлась пытка, буквально пытка, а методы пыток в Больцането многочисленные и разнообразные, я видел это и на самом себе, и на других, справа и слева, а вокруг я слышал крики. Нас всех держали в больших темных комнатах, позволяя двигаться лишь тогда, когда или какой-нибудь чин желал позабавиться, или когда у нас брали отпечатки пальцев, проводили процедуру опознания, фотографировали.

Даже когда нас посещали доктора, когда я увидел первого доктора, я почти почувствовал облегчение, но вскоре я понял, что он был фельдшером, служившим в тюремной полиции, и просто играл, спрашивая нас, где мы ранены, так что он мог прикоснуться к нам и ударить нас именно в это место. У парня, с которым я делил камеру, позднее в тюрьме вырвали весь его пирсинг, в таком роде.

И конечно, чтобы попасть из своей комнаты на опознание, я должен был пройти по коридору, а по бокам стояли специальные полицейские, и они били нас всю дорогу, свободно. Я помню, первый раз, когда я вернулся с опознания, у меня потребовали отречься от антифашизма и прокричать *Viva il Duce* [Да здравствует Дуче]. Поначалу я протестовал, однако потом из-за ударов и наручников я пробормотал это, возвращаясь в мою камеру, как и все остальные¹.

В тот же день мы с женой ехали отдыхать на юг. Мы внимательно слушали радио. Наш сын тоже был в Генуе. Ожидалось, что акция протеста будет многочисленной и включающей

¹ В мае 2005 г. 45 сотрудников полиции, включая офицеров высшего ранга, получили приговоры за злоупотребления в Больцането. Судья, выносивший приговор, заявил: «Трудно понять, как, например, насильственное засовывание человека в унитаз может рассматриваться в качестве „недозволенной формы наказания“. Подобные действия по своей жестокости кажутся далекими от идеи наказания, разрешенного или нет, поскольку их цель заключается не в том, чтобы ограничивать и контролировать свободу человека, но в унижении его личности» («Il manifesto» и «La Repubblica», 17 мая 2005 г.).

разных людей. Это и профсоюзы, церковные группировки, политические партии, бойскауты, монахи, и даже мэры городов со знаменами, представлявшие местные правительства и институты. Но это и молодые люди, для многих из которых эта акция была их первой массовой манифестацией, настоящей инициацией в активную политическую деятельность¹, причем в этой среде было несколько групп, представлявших крупное молодежное движение протеста, начавшееся с акций в Сиэтле и Праге.

Многие молодые люди отправлялись в Геную как на праздник, в мирном приподнятом настроении. Другие были готовы к битве. Правительство Берлускони отгородило часть города, так называемую Красную зону, и символической целью, которую поставили себе некоторые наиболее радикальные группы, было прорваться в эту Красную зону или через пассивное сопротивление, или, если понадобится, в стычках с полицией. Между тем казалось, что правительство и пресса преувеличивали опасность насилия со стороны «агитаторов». Новое правое правительство готовилось к демонстрации силы; члены кабинета из крайне правой Alleanza Nazionale действительно засели в полицейских участках и стратегическом командном центре. Напряжение нарастало благодаря безответственным заголовкам репортажей («Демонстранты будут бросать в полицию зараженную СПИДом кровь», La Repubblica), колоссальной и грозной концентрации полицейских, а также безрассудным заявлениям самозванных представителей движения («Объявление войны» членам G8, сделанное Лукой Казарини). Мы с женой разделяли широко распространенную среди поколения шестидесятников точку зрения (гордость за пробуждение у наших детей политического сознания, за их желание участвовать в важном событии), но беспокоились об их безопасности.

Брунелла Пинто. *Когда случилась Генуя — вот что меня на самом деле тронуло: «Папа, я еду в Геную». А он сказал: «Я этого ожидал. Скажу тебе правду, Брунелла: я — твой отец и хотел бы, чтобы ты не ехала, поскольку я беспокоюсь о твоей безопасности. И тем не менее я горд от того, что ты едешь, и никогда не сказал бы тебе, чтобы ты этого не делала. У меня от этого, конечно, будет повышаться давление и начнется псориаз». Все эти психосоматические заболевания, которые мучают моих пятидесятилетних родителей, этих пятидесятилетних, увидевших, что рушатся их идеалы...*

¹ Антонелла Валентини: «Я сама и четыре мои подруги, совершенно лишённые информации, мы даже не знали, что такое G8, но я тем не менее почувствовала, что должна ехать».

2. Карло Джулиани, *gagazzo*

Это начиналось почти как праздник. В четверг 20 июля демонстрация за права мигрантов была радостным событием, связавшим разные поколения.

Эмануэле Профуми. *[Марш мигрантов] был прекрасен, была огромная радость от присутствия всех цветов, из всех пор проступало культурное многообразие, начиная от буддийского монаха, которого ты видишь в таких странных одеяниях — «Кто это?» «Это монах, я рад, что он тоже здесь» — и до целого ряда более «привычных» сообществ, вроде тех, которых мы здесь видим. Сенегальцы, марокканцы, пакистанцы, это было прекрасно. И потом, встречи с людьми, ты наталкиваешься на школьного приятеля, который в Испании на проекте Эразмус¹, приятные встречи; однако атмосфера в целом была другой, ты видишь членов парламента, вроде [коммуниста Фаусто] Бертинотти, шагающих и непринужденно разговаривающих, перемещающаяся площадь, которая двигалась и двигалась...*

Брунелла Пинто. *Ну, четверг — это была волшебная штука, марш мигрантов. Я думаю, это был один из самых трогательных дней в моей жизни, поскольку я никогда не переживала ничего подобного — быть среди дедушек, отцов, братьев — действительно, с поколенческой точки зрения, это было ощущение величайшей удовлетворенности, подтверждение правильности того, что ты делаешь — я имею в виду, что я не ребенок-бунтарь 21 года, на самом деле вокруг меня находятся пятидесятилетние, которые являются такими же бунтарями, как и я... Я не безумна, я не неадекватна, я нахожусь здесь вместе с тремястами тысячами людей, которые столь же неадекватны, как и я, я имею в виду... Быть может, это другие безумны. Поэтому ты начинаешь смотреть на вещи с другой точки зрения, ты видишь мам, детей, людей в инвалидных креслах — людей в инвалидных креслах, которых позже будут избивать...*

Опасность и насилие действительно надвигались. На следующий день, когда сомнительным, одетым в черное группам якобы протестующих (эти группы известны как «черный блок») почти беспрепятственно позволили буйствовать, громить витрины и автомобили по всему городу, полиция атаковала митинги и марши наиболее мирных и безобидных демонстрантов без каких-либо провокационных действий с их стороны. Некоторые демонстранты пытались защищаться, но то, что произошло, было настоящим полицейским мятежом. И он имел

¹ Проект Эразмус — проект Европейского союза, благодаря которому студенты могут получать учебные баллы, посещая курсы и сдавая экзамены в университетах других европейских стран. Испания является одним из наиболее популярных мест среди итальянских студентов.

продолжение — насилие и пытки в Больцането, кровавые нападения субботней ночью на демонстрантов, укрывшихся на ночлег в школе Диаз¹.

Джанни Ди Доменико. Да, это был шок, и для тех, у кого был опыт, кто снова должен был столкнуться с таким уровнем [насилия], который они уже, по всей вероятности, не думали встретить вновь. И, конечно, молодые, они испытали шок. Среди нас было много новичков, попавших первый раз на манифестацию, и скажу вам, что они были... Один из них был среди тех, кто попал в это тотальное побоище в школе Диаз, один из тех, кого вы видели по телевизору, лежавших на носилках, с кровавой маской... Я имею в виду — можете вообразить ту отметину, которую такое оставляет на вас. Это было тяжело.

Драматическим и символическим пиком насилия стало убийство Карло Джулиани, генуэзского юноши; его застрелил полицейский из бронированного фургона — он, видимо, полагал, что Карло атакует машину с огнетушителем в руках. Прошло 25 лет с тех пор, когда в последний раз полиция убила уличного демонстранта. Некоторым это напомнило о прежних битвах²; однако для большинства, для молодых людей, которые еще не родились, когда такое убийство случилось в последний раз, это оказалось колоссальной травмой: «*Мы утратили девственность; я хочу сказать, что это наивное движение столкнулось с тяжестью факта реального столкновения. Никто из нас не думал, что военная агрессивность государства зайдет так далеко*» (Алессио Аринголи). Активист немного постарше выразился так: «*Не то чтобы мы не думали, что такое может случиться, не то чтобы не было предчувствий, что кто-то может попытаться и убить. Мы говорили об этом и политически были готовы; однако на уровне чувств, мне кажется, это поколение было абсолютно неподготовлено к тому, что произошло*» (Данило Корради). Шок оказался настолько неожиданным, его оказалось так трудно впустить в сознание, что люди не находят слов, чтобы о нем рассказать.

¹ События в Генуе являются, быть может, лучше всего документированными событиями недавней истории, поскольку на них присутствовали не только многочисленные группы телевизионщиков и кинематографистов, но и у большинства участников были видеокамеры и фотоаппараты. Из нескольких документальных фильмов, посвященных событиям, наиболее точным и трогательным является фильм Франчески Коменчини «Carlo Giuliani, ragazzo». Несколько полицейских и чиновников в настоящее время находятся под судом (как и некоторые демонстранты).

² Пина Монако: «*И все чувства, которые, как я считала, я отставила в сторону, становясь культурнее, старше, взрослея, все они вернулись, как будто мне было восемнадцать лет, двадцать лет — гнев на полицию, на власть, избивающую моего отца, меня, и в эти решающие минуты они используют эти средства. У меня было это чувство, которое оставило на мне глубокий, глубокий отпечаток*».

Антонелла Валентини. *Этот парень бежал, может быть с пьяцца Алимонда [где был убит Карло], в отчаянии, с совершенным отчаянием в глазах, он рыдал и говорил: «Они убили двоих, вы убили двоих», попытался залезть на сцену и сказать, именно так мы и узнали о смерти Карло. Полиция окружает нас, вертолеты над нашими головами, этот парень рыдает, для нас это был невероятный удар, я не могу даже объяснить то чувство, которое было у меня, когда я подумала, что он мертв.*

Арианна Лодезерто. *Что я могу сказать, это было действительно страшно, слов не было. Все, что я помню, это то, что видела это по телевизору [по пути в Геную] и это казалось абсурдным и жестоким... Помню, что мы с моим другом были потрясены, это на самом деле нас шокировало. Это одна из причин того, почему я была такой злой и ссорилась с людьми.*

Эмануэле Челестини. *Шел дождь, и мы были на ступеньках стадиона¹, выйти было нельзя, поскольку кругом была полиция, у нас не было еды, ничего у нас не было... В этих грязных лужах, люди, пытающиеся достать воду из своих палаток, и посреди всего этого я сижу на ступеньках. Помню там был этот парень, который, когда они объявили об этом, расплакался навзрыд, а я был рядом с ним, а он повторял: «Он был моим другом, Карло Джулиани»... Я не рыдал по нему в течение нескольких дней, и я потерял не знаю сколько веса и приехал домой в ужасе от насилия со стороны закона, полиции².*

Пьяцца Алимонда, площадь, на которой был убит Карло Джулиани, была переименована движением в *Piazza Carlo Giuliani, ragazzo*, (площадь Карло Джулиани, парня). Слово *ragazzo* указывает на то, что возраст Карло располагается где-то между мальчиком и молодым человеком; это домашнее, семейное слово. Название *Piazza Carlo Giuliani, ragazzo* реинтерпретирует эти слова в качестве обозначения всех тех, кто был в Генуе в

¹ Стадион Карлини, расположенный в окрестностях Генуи, также был местом встречи и укрытия для демонстрантов.

² Для некоторых абсурдность усугублялась благодаря тому факту, что полицейский, застреливший Карло, был одного с ним возраста: «Я пытаюсь понять, что это за мир, который направляет двадцатидвухлетнего молодого человека с пистолетом в руках против двадцатидвухлетнего молодого человека с огнетушителем. Что это за мир, который направляет двух молодых людей друг на друга?» (Паоло); «Вернувшись домой в Пулию, я встретила того парня, который учился вместе со мной в школе и который был карабинером, он не мог найти работу и поэтому пошел туда, он родился в 1980, как и я, и его послали в Геную. Он был на другой стороне, и мы поговорили — я была шокирована этим опытом, и он был этим расстроен и говорил об этом. Я хотела спросить его, какого хрена ты это делал? Да ты понял, что это за ситуация? [Я хотела с ним поговорить] еще и потому, что я ни с кем об этом не говорила, даже с моими друзьями, поскольку не знала, как об этом сказать, это все было слишком странным, это было вроде шока. И я увидела в этом молодом парне жертву, на самом деле, поскольку все, чего он хотел, была работа, понимаете? Он также рисковал, как и тот парень, который убил Джулиани, им всем было по двадцати одному году в этой говенной ситуации» (Анна Кароне).

эти дни, но в особенности той возрастной группы, которая в первый раз столкнулась с полицией и государственным насилием. «Carlo Giuliani, ragazzo» — так называется и фильм, в котором реконструирован последний день жизни Карло благодаря документальным съемкам и трогательному интервью с его матерью. Он вырос в очень политизированной семье, но судя по фильму в этот день он покинул дом с мыслью пойти на пляж — просто так случилось, что он попал на демонстрацию. Эта деталь усиливает ощущение того, что он был одним из многих, не героем, даже не бойцом — просто *ragazzo*, парнем.

На самом деле это именно то слово, которое используют применительно к себе многие интервьюируемые. *Ragazzi* (ребята) систематически повторяется, например, у Альберто, молодого человека из Калабрии, у которого были судебные проблемы из-за участия в движении. Он говорит: *«Трибунал освобождения вытащил нескольких ребят, ragazzi, из тюрьмы... Мы настроены оптимистично, даже ragazzi [ребята], поскольку некоторые ragazzi были переведены из Трани [исправительный дом] в Витербо [тюрьма]». Что касается Генуи, он вспоминает «двух ragazzi, наверно семнадцатилетних, ragazze [девчущечку], навзрыд рыдающую.... Этой девушке, ragazza, должно было быть 21–22 года в то время, вот какого мы были возраста». Между тем ragazzi, которые были под следствием и судом, — это и люди более старшего возраста, университетские преподаватели, и «Ди Диаманте Чирилло, мы называем его 'и ragazzi [калабрийский диалект], ему во всяком случае должно быть около пятидесяти».*

Инклюзивность слова указывает на то, что, хотя в демонстрации участвовали не только молодые люди, идентичность движения и смысл генуэзского опыта определяются этой возрастной группой, ragazzi, которая утратила свою политическую наивность на улицах, в школах, полицейских казармах и тюрьмах Генуи, где они обнаружили существование государственного насилия. *«Если вы были в Генуе 18-го и 19-го, у вас на самом деле было чувство поколения, которое пришло сюда полное гнева, но не имело никаких намерений разрушать, решившегося прорваться в Красную зону, но не быть причиной резни. И тем не менее эти события заставили это поколение понять, что оно должно сделать еще один шаг вперед, чтобы создать организацию и проложить путь»* (Аллесιο Аринголи).

Помимо политического анализа, высказывание Аллесιο Аринголи любопытно и в связи с неоднократным использованием другого ключевого слова генуэзских нарративов — «поколение». С одной стороны, «поколение» является объединяющим

концептом в транснациональном масштабе, адекватным для движения, которое считает себя международным:

Витторио Ди Черво. *Это были преданные представители итальянцев и европейцев, международной молодежи, из индустриальных стран глобализованного мира, протестующие от имени бедных наций, а кроме того, заявляющие о проблемах своего собственного будущего — будущего молодых людей, принадлежащих к богатым индустриальным цивилизациям*¹.

С другой стороны, «поколение» одновременно соединяет и артикулирует различный опыт разных возрастных групп. Генуя соединила поколенчески маркированное движение альтернативной глобализации, движение за мир и профсоюзное движение, которые не были маркированы подобным образом. Поэтому *«Генуя не была просто значком нашего поколения, она маркировала исторический момент и, следовательно, разные поколения; движение является составным, оно включает не только молодежь»* (Эмануэле). Прочитируем повествователя постарше: *«Я думаю, [Генуя] была коллективным процессом реализации поколения, которое до этого момента читало об этих вещах в книгах и никогда не оказывалось в подобной ситуации. И тем не менее это то поколение, которое на следующий день после Генуи разделится, займется множеством разных вещей, разлетится по множеству разных путей. Однако оно доказало одно: оно доказало, что радикализм этого поколения — штука не сиюминутная»* (Данило Корради).

Так, Алесслио Аринголи отмечает «различие в восприятии» между своей возрастной группой и «высокопарностью» более закаленных политических фигур тридцати- и сорокалетних, вроде рядового профсоюзного активиста Пьеро Бернокки или активиста движения против СПИДа и пацифистского движения Витторио Анолетто: *«Наше поколение не такое напыщенное, и не потому, что мы более скромные... Наше поколение предпочитает само заниматься своим образованием, поскольку верит в себя, оно не прошло через все эти предательства периода после 45 года». Это заставляет его критиковать в поколенческих терминах оправдание сожжения американских флагов, выдвинутое Бернокки: «У нас есть чувство, что мы начинаем опять на пустом месте, а когда начинаешь на пустом месте, ты не склонен жечь американский флаг, поскольку не считаешь, что*

¹ Ср., однако: *«Я думаю, Генуя оставила свой отпечаток прежде всего на итальянском [молдом] поколении. Движение это собирает столько людей, всех национальностей, поскольку это движение является международным, глобальным, но события происходили все же в Италии и больше всего затронули Италию. Насколько я понимаю, они оставили отпечаток на поколении, которое было на улицах; не знаю, затронули ли они тех, кого там не было»* (Ева Чипариссе).

этот жест порождает единство, скорее это является оскорбительным по отношению к людям, которые были убиты. Вы не хотите быть частью воображаемого пространства, созданного этим жестом, вы хотите строить другое воображаемое пространство. Я уверен, что, если говорить о воображении, если бы мы послали [на телевизионные ток-шоу] человека на пятнадцать лет младше Анолетто, этот человек, может быть, не так хорошо сумел бы объяснить, но он смог бы лучше дать почувствовать, кто мы такие»¹.

3. Поколение мобильников

Антонелла Валентини. *У меня не было с собой мобильника, и это удача, что я избавилась от него, я свободна от этого ужасного устройства. Моя мать все названивала и названивала на мобильник моего друга после известий о смерти Карло, однако на самом деле мобильная связь была плохой, и через некоторое время возник голос моей матери, кричавшей, что она не слышит меня. «Антонелла! Антонелла! Как дела?», она рыдала, поскольку была уверена, что я и есть тот человек, которого убили. Знаете, в ее голосе слышался ужас, она была в ужасе, потому что не слышала меня, я пыталась успокоить ее: «Нет, мама, не беспокойся, со мной все в порядке, я здесь с людьми из новостей». И после того как я поговорила с матерью, я истерически разрыдалась, не знаю, сколько времени это продолжалось, я не выдержала и зарыдала.*

Генуя 2001 г. была, по всей вероятности, первой массовой демонстрацией эпохи продвинутых технологий. Едва ли кто-нибудь из демонстрантов пришел без фотоаппарата или видеокамеры, что превратило Геную в одно из самых скрупулезно документированных событий недавней истории (не говоря уже о бесчисленных общественных и независимых видео- и киносъёмочных группах). Наиболее важным представляется то, что большинство участников были снабжены тем, что стало, особенно в Италии, подлинным знаком поколения, — мобильным телефоном². Лука Конте, работавший в медиациен-

¹ Между тем присутствие этих закаленных фигур являлось обнадеживающим фактором для некоторых, равно как и свидетельством того, что они не являются белыми воронами: «Человечность этих людей, которых вы все время видите, конечно Бертинотти, но не только его — Фризулло [активист движения за мир, выступающий за свободу курдов], Анолетто, вы слышите, как они говорят на митингах, спонтанно возникающих прямо здесь, когда мы в осаде, посреди полицейской охоты на демонстрантов, и в их словах была человечность, они говорили об этом, не обращая внимания на политику, в их словах была драма, которая разворачивалась, а также их знание о драме людей, на которых напали, драме, которая усугублялась информацией, которой у них, по всей видимости, было больше, чем у нас, и это та другая вещь, которую я вспоминаю с удовольствием» (Эмануэле Профуми).

² Италия является европейской страной с самой большой концентрацией мобильных телефонов. Если мы примем соотношение мобильных телефонов к населению Италии за 10, то следующей страной будет Германия с 7,4 [La Repubblica. 2005. 8 апр.].

тре движения (до того, как тот был уничтожен полицейским рейдом в школу Диаз), точно подвел итог: *«Основной источник свидетельств об этих событиях, с моей личной точки зрения, до сих пор находится в цифровой памяти мобильных — голоса, телефонные звонки матерей, тетушек, братьев, кузенов, всех занятых поиском информации и сведений, обеспокоенных и одновременно выражающих свою позицию, свое негодование».*

Одна из причин почти повсеместной распространенности мобильных, по крайней мере в Италии, заключается в том, что это позволяет молодым людям одновременно поддерживать друг с другом связь, а родителям присматривать за своими детьми. В дни Генуи обе эти функции были использованы с лихвой. С одной стороны, *«проходили параллельные мероприятия, люди, которые были на связи с людьми из других секций, с находящимися поблизости адвокатами и докторами, все были в контакте»* (Кьяра). С другой, и это представляется наиболее существенным, — мобильная связь уничтожала дистанцию между теми, кто был там, и теми, кого там не было, особенно между обеспокоенными родителями, оставшимися дома, и молодежью на улицах.

Росселла Маркини. *Помню, в четверг был марш мигрантов, и я следила за ним по радио, а потом вечером разговаривала с Алицией, которая была взволнованной и счастливой, потому что их было так много, потому что это была радостная вещь, замечательная демонстрация, она была счастлива. Я была счастлива оттого, что тоже приехала, я собиралась уезжать на следующий день. Пятница, а вот пятница стала драматическим днем, поскольку я слушала радио, про разные марши и атаку на Красную зону, я слышала про смерть этого молодого человека и помню ужас, потому что радио — я прослушала позднее эти записи несколько раз — они говорили «кто-то упал, там смерть, да, нет», что-то вроде этого, и затем я услышала, что это девушка и, конечно, была уверена, что моя дочь была там, и я не могла дозвониться до нее по телефону, поскольку не могла связаться с ней весь день, только один раз она послала нам SMS «все в порядке, не беспокойся, меня там нет», — но вы все время слышите о других, что они ранены, я помню, я боялась за нее, за всех этих молодых людей. Потом уже ночью я разговаривала с ней, и она сказала: «Мам, не беспокойся, все в порядке». Шел дождь, лил всю ночь, ее палатка промокла, и из того, что она сказала мне, и того, что я услышала, все изменилось, так что этой ночью мы отправились в Геную.*

Благодаря главным образом мобильникам Генуя происходила по всей Италии, и мобильный телефон стал материальным воплощением эмоциональной заботы, связывавшей Геную с

остальной страной, а быть может, и с Европой. Эмануэле Профуми рассказал мне, как ему и его друзьям удалось не попасть в руки полиции, поскольку отец одного из них, наблюдавший за событиями по телевидению, сообщал им на мобильник, как движется полиция и где в городе находятся безопасные места¹.

Пина Монако. *Я немного ревновала [мою дочь и ее отца], которые были там, поскольку они сообщили мне по мобильнику, что там огромная демонстрация, что она пестрая, моя дочь говорила мне, что там полно молодежи, даже молодые люди в инвалидных креслах, что есть люди возраста ее отца, старые, как она выразилась. Во всяком случае, мне было неудобно, что я не поехала, поскольку, как я считала, я слишком уж обращала внимание на подсознательный страх насилия. Я не слыхала ни о чем таком, однако подсознательно боялась. Так я и переживала это все, находясь в контакте с ними, и через телевидение — и то, что оказалось поворотным для моей жизни, в определенный момент — ужасный страх, когда я услышала о первых столкновениях. Я позвонила отцу моей дочери и услышала, что он обеспокоен, поскольку потерял связь с дочерью и ее другом в этом слезоточивом газе, и сказал, что никогда не сталкивался с таким странным запахом, и что у него никогда не было такой рези в легких и горле.*

...Он не мог ее найти: у него повысилось давление, он не мог привести телефон в рабочее состояние, и затем наконец мне удалось дозвониться до него, и он был на грани обморока, поскольку давление пошло вверх, солнце было раскаленным, воздух был наполнен этим чертовым слезоточивым газом, и он нашел уголок в переулке, и женщина из окна бросила ему воды, он немного пришел в себя и пошел, как будто всегда знал Геную, по крайней мере связался с дочерью [по телефону], и она сказала ему, где ее встретить, и затем они сообщили мне, что встретились в слезах, и все такое. Моя дочь все рассказала мне по телефону, попыталась меня успокоить, и тем не менее то, что на самом деле шокировало ее, — это избияния, через которые они прошли, две маленьких девочки были почти парализованы, парень в инвалидном кресле избит, и они хотели помочь ему, они благополучно убежали, однако у нее остались драматичные воспоминания об этом парне.

4. Родители и дети в Генуе

Энрика Бартезаги. *Для меня Генуя 2001 г. стала трагическим возвращением к реальности. Не то чтобы я не была в контакте с миром — по крайней мере я так не думала, я читала две газеты*

¹ Разговор на вилле Мирафиоре в Риме, 15 апреля 2005 г.

в день, была в курсе. Сара, моя дочь, которой тогда был 21 год, объяснила, почему едет в Геную, и я согласилась с большинством причин, которые привели туда ее и стольких других. Я думаю, что до 2001 г. была несколько отстраненной. Я думала, что уже внесла свой вклад в то, что касалось демонстраций, и была на линии фронта, что теперь мы можем уступить место детям, чтобы они могли идти своей дорогой. Поэтому я не поехала в Геную — одной из причин было то, что я не хотела выглядеть беспокойной мамашей, которая бежит за своей дочерью на ее первой большой демонстрации — хотя я следила за событиями, сидя дома, вместе с мужем — по радио, телевизору и все такое¹.

Как мы видели, не все родители оставались дома. Некоторые, как партнер Пины Монако, поехали со своими детьми; еще большее число оправилось в Геную независимо, как должен был поступить мэр Монтеротондо до того, как арестовали его сына, как поступили многие политические активисты всех поколений. Хотя идентичность движения была главным образом поколенческой, состав движения таковым не был: «Я не думаю, что это движение молодежи. Молодежь впереди, однако мне это движение кажется движением женщин, детей, стариков, монахинь» (Эстер Коппел). Молодые люди в Генуе знали о присутствии людей поколения их родителей: «Они также избивали Кобас [профсоюз рядовых преподавателей], эти люди могли быть коллегами моего отца» (Эмануэле Профуми). Взрослые, присутствовавшие в Генуе, включали политиков и церковников, преподавателей и репортеров, большинство участвовавших в марше мигрантов, а кроме того — целую структуру поддержки — адвокатов, докторов, работников скорой помощи, что стало очень существенным после полицейского мятежа в школе Диаз и исчезновения депортированных в Больцането, это все были люди старшего поколения².

После убийства Карло Джулиани неожиданно Левая демократическая партия отказались от своего участия в генуэзском протесте³. Тем не менее после новостей об избиениях, рейдах,

¹ Эстер Коппел: «Я попыталась остаться в стороне, я не хотела быть мамашей-шестидесятиницей, которая говорит своим детям о том, как организовать демонстрацию, как захватить помещение, как написать листовку, поскольку мы делали именно так. Я видела множество родителей, которые поступали именно так».

² Лоренцо Марвелли, работник скорой помощи, рассказывает историю, противоположную истории родителей, беспокоящихся за своих детей. Он описывает свою жену и 21-летнего сына, оставшихся дома и узнавших по телевидению, что он избит и ранен: «Я думаю, что это были самые черные часы для моей матери, жены и сына».

³ «Мы узнали от некоторых товарищей, что можем уехать на автобусе, но что автобус был отменен, и это стало еще одной причиной гнева, разочарования, когда мы услышали, что в свете того, что произошло в тот день, левые демократы решили не участвовать в демонстрации, которая должна была состояться на следующий день» (Уго Бальцаметти).

арестах многие родители не могли стоять в стороне и прибыли самостоятельно. «Я чувствовала себя как мать-львица», — говорит Энрика Бартезаги, ставшая позднее организатором комитета «Правда о Генуе». И они поехали, и, как бы для того чтобы указать на безотлагательность, они поехали ночью.

Уго Бальцаметти. *Я решил, что не поеду. Конечно, когда я добрался до дому, поговорил с женой, когда мы обменялись нашими чувствами, страхами, обеспокоенностью и особенно тревогой о том, как наш сын справится с этой ситуацией, настолько беспрецедентной для него, такой трагической — зная, что он сам по себе, хотя и вместе с множеством товарищей, а мы не можем быть рядом с ним — это спровоцировало защитный рефлекс, а кроме того, политический гнев, взрывную смесь. Нам была знакома политическая напряженность в эпоху терроризма, эпоху 1977 г.; однако эта смесь, это переплетение эмоций, необходимости защищать свою собственную плоть, политического гнева достигло такого масштаба, что мы едва могли все это контролировать, так что решили сесть на специальный поезд, уходивший в Геную в полночь.*

Так Генуя увидела отцов и матерей, передвигающихся с места на место в поисках своих пропавших детей. Тонино Лупи и его жена проделали путь в триста миль по дороге в Геную ночью после ареста сына. «По пути мы несколько раз пытались дозвониться до Квестуры [центральное полицейское управление]; приехав в Геную, мы много раз звонили и в ответ всегда слышали: „Позвоните по такому-то телефону“. Мы не могли получить никакой информации из центрального полицейского управления; ни у кого не было никакой информации, в полдень, в час по полудни следующего дня все еще не было списка тех, кто был арестован. Адвокат сказал нам: „Многих увезли в Больцането“. Мы поехали в Больцането, там была куча полицейских, мы расспрашивали их, они сначала отвечали очень грубо, потом, как мне показалось, моей жене удалось убедить одного из них, и он сказал нам, что нашего мальчика увезли в Александрию и что в его медицинском деле не зафиксировано никаких серьезных ранений».

Росселла Маркини и ее муж сели в один из последних поездов на Геную, после того как узнали новости от своей дочери. Они приехали в Геную в шесть часов утра:

Мы шли и шли, все было закрыто, даже позднее, в пустынном городе были только молодые люди со спальными мешками, люди, сошедшие с поезда, но это был призрачный город, поскольку вы видели разбитые окна банков и витрины магазинов, разгромленные машины, в городе — кроме нас, приезжих — не было признаков жизни.

Они отправились на стадион, откуда им в последний раз звонила дочь, ее там не было, и они пошли дальше, ища, где бы можно было поесть в этом пустынном городе. *«Мы проскользнули в больницу — они не впустили нас за ворота, поскольку именно там были раненые и посетителей не пускали, хотя мы и не выглядели как молодые люди. Нам удалось проскользнуть через заднюю часть в кафе, схватить круассан и капучино, помыться. И это открыло путь для других молодых людей — пока администрация не поняла, что они приходят, чтобы помыться, это была единственная доступная ванная комната во всем городе, и они закрыли ворота и никого больше не впустили. С нами была семидесятилетняя женщина из Новооснованной компартии, и ей нужна была ванная, так что эта семья впустила нас в свой дом и позволила воспользоваться их ванной комнатой и помыться».*

В городе все было закрыто, город был напуган, однако были случаи индивидуальной солидарности (вроде той женщины, которая дала воды партнеру Пины Монако). Между тем эта сцена, когда взрослые открывают для молодежи дорогу в кафе, репрезентирует новую роль взрослых: они принесли с собой облегчение и некоторое ощущение защиты для оказавшихся в затруднительном положении, шокированных и избитых молодых людей.

Мы вышли наружу, и я помню эту испуганную девушку, она могла быть возраста моей дочери, она последовала за нами и сказала: «Можно я пойду с вами, можно я пойду с вами, вы куда идете?». И потом она позвонила кому-то и сказала: «Не беспокойся, я взяла займы оранжевую рубашку, поскольку на мне в такой день была черная, не беспокойся, пожалуйста, я с взрослой парой и мы выйдем как семья». Я была в таком отчаянии, слыша, что кто-то может чувствовать себя спокойно, потому что находится со мной, когда я была в такой панике, поскольку ничего не знала о моей дочери.

По всей Генуе люди разыскивали друг друга, родители искали своих дочерей и сыновей. *«Ее отец и я узнали несколькими днями позже — насколько нам было известно, она исчезла в Генуе вечером в субботу, и до понедельника, до полудня, когда мы узнали, что она находится в тюрьме города Верчелли»* (в Пьемонте, в двух часах езды от Генуи). Семьи, адвокаты, репортеры ходили вокруг тюрьмы Алессандрия, пытаясь связаться со своими дочерьми и сыновьями, находившимися внутри, и ожидая их освобождения.

Тонино Лупи. *И мы поехали в тюрьму Алессандрия, где двумя часами позже к нам присоединился адвокат, которому удалось кратко побеседовать с Бруно. Мы дали ему это письмо, где*

попытались уверить Бруно, что, несмотря ни на что, мы рядом с ним и сделаем все, что сможем, чтобы положить конец этим приключениям.

Когда молодые люди начали выходить, мы поняли, как с ними обращались. Я был особенно поражен этим преподавателем философии из Катанцаро [в Калабрии], человеком пятидесяти лет, совершенно избитым, абсолютно напуганным тем, через что он прошел. За воротами тюрьмы были журналисты, они попытались взять у него интервью, но он был так испуган, что не мог произнести ни одного слова, он только хотел уйти. Единственное, что он сказал: «Я не делал этого, я не ходил на демонстрацию, я был болен, я оставался в палаточном лагере Кобаса, и они взяли меня там». Три испанских парня из интернациональных бригад мира, швейцарский юноша рассказали мне свою историю. И мы услышали об этом молодом парне из Сирии, у которого деревянная нога, и он не мог все время стоять, так что каждый раз, когда он падал, полицейские били его своими дубинками, пока ему не удавалось встать.

5. Возвращение домой

Альберто. И мы уехали, на самом деле я вернулся в Паулу, в Калабрию. Я добрался до нее в 8 часов. Позвонил домой, чтобы сказать, что я здесь. К этому времени батарея моего мобильного почти кончилась, всю ночь он был выключен, так что я позвонил из телефонной будки, и моя мать ответила в сильном волнении: «Я думала, ты еще в Генуе, арестовано много народу, их избивали...» Когда я прибыл домой в полдень, я рассказал родителям, что провел бы ночь в Генуе, в месте, где все находились, но меня уговорили ехать домой. Однако, когда моя семья проснулась утром и посмотрела новости про всех этих избитых, исколошмаченных молодых людей, полицейских рейдах, мои предки подумали, что я тоже один из них. Так что я помню телефонный звонок, одну из тех немногих вещей, которые я помню отчетливо — эти вещи, которые происходили в школе Диаз, но я вернулся домой.

«Основной причиной беспокойства моего и моей жены было то, что все это может стать причиной психологических проблем [для нашего сына Бруно], так что в течение нескольких следующих дней мы возили его к психологу из системы общественного здравоохранения, который совершенно успокоил нас относительно эмоционального состояния Бруно. Единственной заботой психолога было то, что Бруно беспокоился о том, что не сможет свободно участвовать в демонстрациях» из-за возможного полицейского досье, заведенного после ареста (Тонино Лупи). Не все прошли через это с такой легкостью: многие говорят о

повторяющихся ночных кошмарах, об инстинктивном страхе при звуке вертолетов или при виде полицейских. Для многих события в Генуе стали дополнительной причиной активно заниматься политикой, в то время как некоторые оказались в буквальном смысле шокированы до бездействия.

Вернувшись домой, молодые ветераны Генуи должны были решать две взаимосвязанные проблемы: как справиться с травматическим опытом и как объяснить его, поделиться им с семьей. *«Как только я вернулась домой, я пошла в свою комнату и находилась там в течение двух часов»* (Антонелла Валентини): закрываться в своем пространстве или ускользать в безопасный сон — способы самоизоляции, возможность продумать то, что с тобой произошло, подготовиться к взаимодействию с миром тех, кого там не было, и единственное знание которых — пристрастные версии официальных СМИ.

Позиции родителей варьируются в зависимости от политических взглядов и степени вовлеченности в опыт детей. Однако всем им свойственна смесь защитного рефлекса по отношению к детям, оказавшимся в опасности, и возмущения по поводу того беспокойства, которое причинили им дети. Повторяющийся образ, символизирующий защитный рефлекс, — бдение матери рядом со спящей дочерью или сыном:

Пина Монако. *Прежде всего, как и все мы, я почувствовала то, что чувствует мать и мама-львица — я хочу сказать, что не могла поверить, что моя дочь была здесь после всего того, что я слышала, после всего того, что она мне рассказала о своих друзьях, которые были в школе Диаз и которым удалось ускользнуть до трагедии, об этом ее друге, который плевал кровью... Поэтому в первый день моей точкой зрения была точка зрения матери, я смотрела на нее, спящую в своей постели, это может показаться немного патетическим и смешным, но я думаю о том, что могло произойти, о том, что произошло с Карло, что это могло произойти с любым другим, с моей дочерью.*

Брунелла Пинто. *Когда я вернулась домой, это оказалось для меня, как я думаю, самой тяжелой частью Генуи. У моего отца было очень высокое давление, моя мать почти умирала от приступа астмы. Первую ночь я провела в Риме, я уснула, потому что не спала в течение трех дней. Когда я спала, я чувствовала присутствие матери, ее бдение рядом со мной, пока я спала, и именно тогда я многое поняла. Когда я проснулась, я должна была пойти к ней, поскольку, независимо ни от чего, мои родители — это все еще мое первое столкновение с миром.*

Затем приходит время пробуждаться и выходить из комнаты. Некоторые родители придерживаются других политических

взглядов, однако позволяют сочувствию по отношению к травме детей одержать верх над политическими расхождениями: *«Вот мой отец, который думает прямо противоположное тому, что думаю я, и мы часто спорим, но во всяком случае я видел, что он потрясен. Позднее мы горячо спорили, однако сначала он увидел, что я нахожусь в состоянии шока, и оставил меня одного»* (Эмануэле Челестини). В других случаях столкновение оказывается немедленным, поскольку политика и тревога вместе взятые превращались в упреки детям. Антонелла Валентини выросла в консервативной южной католической семье. Она сказала своей матери, что едет в Геную, однако попыталась сделать так, чтобы об этом не узнал отец. И тем не менее он узнал и был очень недоволен:

Мы говорили об этом открыто, когда я приехала домой: к нам пришел обедать кузен, который живет в том же регионе, что и мы, и я не должна была говорить о том, что была в Генуе, поскольку мои родители не хотели, чтобы он знал. [Когда я вышла из своей комнаты], по телевизору показывали кадры из Генуи, и этот кузен начал орать: «Бей их! Бей их!». Я встала, и он понял, что я там была. На следующий день мой отец принял сторону Берлускони, и это огорчило меня, что они не поняли, что они набросились на меня, когда я приехала домой, и мой отец все повторял, что их всех надо убить, как будто я не была одной из них. Мне было тяжело, что у меня нет дома никого, кто бы сказал мне: «Да, ты по крайней мере имеешь право быть испуганной».

В конце концов, для всех вовлеченных это оказалось встречей с амбивалентностью. Смесь гордости и беспокойства в момент отъезда принимает новый облик — смеси негодования и защитного рефлекса.

Брунелла Пинто. *И сначала она реагировала так, как реагировали те, кто находился дома и смотрел телевизор: «Вы спровоцировали полицию... он [Карло Джулиани] размахивал этим огнеупителем... Да, да, полиция могла быть немного грубой, но именно вы спровоцировали их, вы бросали в них камни...» И здесь у нас с матерью произошло жесткое поколенческое столкновение — знаете, в южных семьях всегда должен быть пафос... Спокойной речи здесь не бывает... всегда должен быть кто-то, кто падает в обморок, у кого-то приступ астмы, кто-то орет: а-а-а-а-а! Именно этот южный пафос, театральный, греческий, он у нас в генах. И это особенно верно относительно моей матери, и я помню, что после криков, слез, спора, когда я пыталась говорить, чтобы она поняла, выразить, пытаюсь почти бросить ей в лицо то, что случилось со мной, а она хотела бросить в лицо мне, что случилось с ней в Риме. И я помню, что больше не могла этого вынести и ушла в свою комнату, и пока я была в моей*

комнате, я слышала, как она разговаривает по телефону с подругой и говорит: «Понимаешь, на них набросилась полиция... они были безоружными, они ничего не делали, понимаешь». Моя мать приняла моя точку зрения; и я помню, что сразу расплакалась, потому что подумала, что это то, что меняет мир.

События в Генуе произошли в самом начале летних отпусков. В Италии редко что-то происходит в августе, поэтому дискуссия возобновилась в начале осени, когда 11 сентября перевернуло все. Молодежь, которая была в Генуе, почувствовала, что ей заткнули рот, как будто их травма внезапно перестала быть значимой. *«11 сентября случилось почти сразу после Генуи, и возникло представление, что террористы и те, кто выступали против глобализации, — это почти одно и то же, и мы, которые были в Генуе, едва могли объяснить, через что прошли»* (Эмануэле Челестини). *«В университете я помню этот постер с фотографиями [из Генуи] и затем этот постер исчез, и трагедия 11 сентября заслонила [Геную]. Я не думаю, что правильно отставлять в сторону старые проблемы ради новых»* (Анна Кароне). *«Правительство прекратило следствие по Генуе 11 сентября. Новости об этом событии печатались на 12 странице всех информационных изданий, хотя до 10 сентября [расследование событий в Генуе] было на первых страницах. Как будто было выстроено другое шоу, и оно заняло первые десять страниц газет и первые двадцать минут по телевидению»* (Алессио Аринголи).

Андреа Паниани. *11 сентября заткнуло нам рот, нас убрали из картинки, а заодно и наши проблемы. Мы подняли вопрос о глобализации, новую тему для дебатов гражданского общества, а потом случилось это 11 сентября и началась война — и по сути дела война — это мясорубка для тех, кто от нее страдает, но это мясорубка и для общественной жизни, для политического диалога стран, которые не втянуты в нее напрямую. Так что то, что произошло с нами, было заслонено, поскольку вопросы, о которых мы говорили, требуют широкого обсуждения в обществе, но, когда продолжается война, говорят: «Мы подумаем о глобализации позже». На сегодняшний день война — это то, к чему все мы привыкли.*

6. Обращая вспять поток традиции

Молодые люди преподали всем нам урок.

Пит Сигер

Я стала тем, кем заставил меня стать Карло.

Хайди Гаджо, мать Карло Джулиани

Эстер Коппел, живущая в Риме немецкая журналистка из еврейской коммунистической семьи, говорит: *«Может быть, я хотела поучаствовать в этом через моих сыновей, которые не*

поехали». Родители генуэзского поколения, пережившие события шестидесятых годов, обладали опытом обращения вспять потока традиции, опытом молодых, дающих уроки старикам. Впоследствии, однако, поколение шестидесятых пережило искушение принять на себя роль хранителей традиции и опыта родителей, ветеранов, основателей, старых государственных мужей, т.е. снова, как говорит Эстер Коппел, роль тех, кто может научить молодежь тому, как организовать сидячую забастовку или написать листовку, поскольку именно так делалось в то время. Внезапно молодые люди обнаружили, что их родители или самоустранились, или оказались наивными. «Мой отец такой сладкий шестидесятник. Я имею в виду, что для меня это действительно трогательно. Я хочу сказать, то, как я это вижу, шестидесятничество моего папы — такое трогательное. Не то, чтобы он был незрелым человеком, совсем нет — но у него такие прекрасные идеалы» (Брунелла Пинто).

До некоторой степени Генуя оказалась ситуацией, когда старые следовали за молодыми. По крайней мере для части старшего поколения общественная позиция их сыновей и дочерей, а также насилие, развязанное против них, стали мощным стимулом включиться в политическую деятельность. Цитирую Хайди Гаджо, мать Карло Джулиани: *«В последние два года я ездила по всей Италии и в течение последних двух лет наталкивалась на людей, которые говорили мне: я ушел в частную жизнь — как и я сама — но после Генуи понял, что не должен закрываться в своем частном мире».*

С одной стороны, как мы видели, Генуя открыла им глаза на тот факт, что проблемы вроде государственного насилия и жестокости полиции не ушли в прошлое и что даже фашизм не является только историей. В известном смысле это было похоже на то, что вас отбросили в прошлое. Однако, если посмотреть с другой стороны, они оказались в абсолютно новой ситуации.

Данило Корради. *Часто в эти дни, да и позже, в беседах между собой мы говорили: «История снова пришла в движение». Таково было ощущение тех, кто в течение многих лет чувствовал себя вне истории, тех, кто все еще называет себя коммунистом, когда это больше не модно, в эпоху, когда студенческое движение казалось простым повторением того, что делали их отцы, матери, бабушки и дедушки. Вместо этого, как только мы сошли в Генуе с поезда, все мы поняли и почувствовали, что присоединились к новому движению. Это был бурный расцвет поколения, которое не было вовлечено в политику, и части того поколения, которое было, но считало, что ходит по кругу, и которое теперь вернулось к политике.*

Конечно, движение является разнородным. Старые практики и позиции сосуществуют с новыми, с изменениями и часто кажутся подавляющими новое. И тем не менее старые ритуалы, вроде сожжения флагов или самоценного насилия, более не являются функциональными и принятыми большинством новых радикалов, даже когда проповедаются и практикуются самопровозглашенными (или провозглашенными СМИ) лидерами и бескомпромиссными группировками. Общее настроение было другим, это было в большей мере ощущение настоящего праздника и единства, чем когда бы то ни было в прошлом: *«Я помню, видела по телевидению этот лагерь в грязи, все эти небритые лица, эти усталые, счастливые глаза. Эти парни, не знаю, как по-другому их назвать, спали по двенадцать человек в палатке и излучали столько радости, столько нежности, потому что они были моими сыновьями. Я всегда восхищалась ими, на меня всегда производило большое впечатление их стремление к диалогу, больше чем у нас, стремление разговаривать с людьми, отказ от насилия, переживаемый внутренне, отказ от власти над другими»* (Эстер Коппел). Именно это противоречие между праздничным настроением и последовавшим взрывом насилия превратило Геную в такой травматический опыт для всех, участников и зрителей.

«Они могли быть моими детьми». Восхищение, нежность, желание поучиться у молодых связаны с тем фактом, что эти люди являются их родителями. Для молодых Карло Джулиани, *ragazzo*, мог быть «одним из нас», для родителей он «мог быть моим сыном». И они смотрели на своих детей, как будто они были Карло: действительно, как мы видели, услышав новости, многие подумали, что на самом деле это их сын или дочь лежали мертвыми на улицах Генуи.

Стефания. *На следующий день, когда произошла эта история с [Карло] Джулиани, это было ужасно, я смотрела это все по телевидению, я просидела перед телевизором весь день, смотрела ТВ, не говоря ни слова, не приготовила ни обеда, ни ужина. Прежде всего, что я могу сказать, поскольку я мать, и это меня жутко потрясло. Помню, что мой сын тоже не произнес ни слова, и мы сидели и смотрели, убитые. И когда мой сын в конце концов что-то сказал, а мы оказались оба сидящими перед телевизором, рядом с друг другом, это была по-настоящему жуткая минута. А затем другим ужасным моментом стал полицейский налет... Это были по-настоящему ужасные дни, и вид этих родителей... Я еще помню это время, я ничего не делала по дому, я ни о чем не думала.*

Как мы видели из рассказов Пины Монако и Тонино Лупи, многие сразу же начали идентифицировать себя с родителями

Карло. Неудивительно, что наиболее значимыми голосами после событий в Генуе стали голоса родителей Карло Джулиани. Оба были давно вовлечены в политику. Отец, Джулиано Джулиани, был организатором профсоюза, мать, Хайди Гаджо, — активистской радикальных движений и организаций прогрессивных преподавателей. После первых сообщений СМИ о том, что Карло Джулиани был бродягой и чем-то вроде молодого правонарушителя, как будто для того чтобы преуменьшить серьезность этого убийства, выступил его отец и рассказал о характере своего сына, а также высказался против репрессий и насилия в Генуе. Он стал публичной фигурой и выразителем общего мнения: *«Его отец казался мне экстраординарным человеком, по тому, как он себя вел, как говорил, тогда как мать, бедная женщина... Я чувствовала близость к ней как мать, но как о человеке я немного узнала о ней»* (Стефания)¹.

«Когда я думаю о родителях Карло, я думаю о его матери. Я видела портрет его отца в газетах, но думаю я именно о ней. Я видела этот документальный фильм, который сделала [Франческа] Коменчини, это интервью с этой светлой, печальной матерью, которая восстановила последние часы своего сына с такой ясностью» (Росселла Маркини). *«Я бы начала с матери. Я невероятно восхищаюсь теми, кто страдает молча. Поэтому я невероятно восхищаюсь матерью, потому что она была верна своему горю, потому что я думаю, что смерть ребенка — самая страшная вещь для матери»* (Пина Монако).

Хайди Гаджо не страдала молча, но она не подняла свой голос. Она попыталась реконструировать последние часы жизни сына и восстановить хронику его смерти. Находясь ближе, чем ее муж, в политике и эмоциях к пацифистскому движению и молодым активистам, она смогла передать глубину своей скорби на языке, который могло понять и разделить новое движение. Ей было уделено меньше внимания СМИ, однако ее послание было глубже, казалось, что она играла почти родительскую роль, предоставляя молодежи голос взрослого, который мог высказать свои глубинные переживания. В 2004 г. я говорил с ней в течение нескольких часов. Память о Карло пронизывала наш разговор, однако сама по себе история ее жизни была полна смысла и очарования.

¹ Позднее Джулиано Джулиани неудачно участвовал в выборах в городской совет от левых демократов. У некоторых были недобрые предчувствия относительно того, как он справится с этой общественной ролью: *«Его отец, да, он был уравновешенный, хотя в некоторых случаях ему не следовало проявлять себя, ну я имею в виду эти мелкие ошибки... Я не судья, он, вероятно, был прав, объясняя, что его сын не был преступником, как его описывали некоторые газеты, и тем не менее, у меня огромное уважение к его горю, я не думаю, что могу судить то, как его отец вел себя публично, откровенно говоря»* (Пина Монако).

Сандро Портелли. *Каково ваше происхождение, как вы стали тем, чем стали?*

Хайди Гаджо. *Я стала тем, чем заставил меня стать Карло. Я происхожу со стороны матери из семьи швейцарской буржуазии, ее высшего слоя, и из семьи венецианцев со стороны отца. Так что я представляю странную смесь, и, быть может, благодаря этим корням я всегда чувствовала себя гражданином мира, у меня нет узкого представления о патриотизме. Я родилась 11 мая 1944 г., я дочь войны. У моих родителей уже было трое детей, и они не планировали четвертого. Я провела первые месяцы моей жизни в маленькой оскверненной церквушке в Венето, чтобы укрыться от авианалетов.*

У Карло была тетка, с которой он не был знаком, поскольку она умерла не только до его рождения, но еще до того, как я встретила с отцом Карло, и сегодня эта тетушка считается в Греции героиней Сопротивления: Елена Анжелони Гаджо. Именно поэтому имя моей дочери — Елена. В Греции это была эпоха военной диктатуры, полковников, заявлявших, что народу счастливо живется при их режиме. И [Сопротивление] организовало взрыв, совершенно неопасный, поскольку бомба должна была взорваться перед зданием американского посольства, которое в Афинах изолировано от мест, в которых живут люди, и она должна была взорваться после того, как посольские службы уже будут закрыты. Бомба взорвалась слишком рано [и Елена была убита]. Там были она и парень с Кипра, который был призван Сопротивлением, у них были шведские туристические паспорта и авиабилеты в Швецию. Так что я думаю, что уже заплатила достаточно высокую цену, поскольку Елена не только была матерью моей племянницы, она была и моим дорогим товарищем.

Когда росли мои дети, в качестве колыбельный я пела им песни Сопротивления, рабочие песни, любовные песни, песни о смерти. Когда они росли, они могли слышать, как я насвистываю какую-нибудь арию Моцарта на кухне, или убираю дом, настроив приемник на «Радио Три» [культурный канал государственного радио], которое раньше было гораздо лучше, чем сегодня, хотя и сегодня они стараются, как могут. Однажды я написала статью, потому что была так ужасно удручена этими постыдными телепрограммами, газетами, даже книгами, которые писались о Карло, и я послала эту статью в газеты, мне позвонила директриса «Радио Три» и спросила: «Мадам, я хотела спросить вас, может быть, мы как-то вас обидели?» Я не помню ее имени, я знаю, что это женщина, и я сказала: «Видите ли, у меня больше нет желания слушать радио, однако если вы остались прежними, я уверена, что вы меня не оскорбили». Слишком много псевдоинтеллектуалов, которые пишут просто для того, чтобы запол-

нять страницы на продажу, так что даже изображения Карло, истории, с ним связанные, могут помочь сделать деньги. Моя жизнь была одной до 20 июля и совершенно другой после.

Поначалу мой муж и я пошли совершенно разными путями. Поначалу он оказывал влияние на телевидение, на СМИ; я старательно этого избегала. А затем, когда я оказалась в контакте с разными течениями движения, как-то раз меня подтолкнули — буквально, потому что я сопротивлялась — к микрофону, во Флоренции, и это стало моей второй профессией: путешествовать и говорить. И на этом пути я встречала других детей, всех детей, убитых за эти пятьдесят лет и более. Я должна была сказать вам ранее, что моя первая демонстрация была посвящена Джованни Ардиционе [убитому полицией в Милане в 1960 г.]. Что я узнала, путешествия по Италии, это то, что неверно, будто они перестали безнаказанно убивать двадцать лет назад; они продолжают убивать на улицах, в полицейских участках, в тюрьмах — не на демонстрациях, не публично.

Отношения с молодыми людьми оказались совершенным открытием. Теперь у меня есть особые отношения, поскольку куда бы я ни шла, я встречаю особый тип молодежи, и я встречаю их как мать Карло, поэтому я не могу сказать, что действительно знаю их. Некоторых знаю лучше, потому что мы встречались несколько раз, на Сицилии, в Тоскании. Я помню восхитительное прибытие в Сенигаллию, в Марке. Я сошла с поезда, и там было двадцать юношей и девушек, ожидающих меня. Чудесно. Мы продолжаем писать друг другу. Я отказываюсь брать партийный билет, отчасти из-за того, что узнала от Карло — он был членом организации молодых коммунистов в течение двух лет, а затем... Во всяком случае я разговариваю с молодыми коммунистами, я разговариваю с *disobbedienti*¹, и вижу, что молодые коммунисты не едины и это беда, это главная беда. До тех пор пока они не научатся сами, поскольку, конечно, мы не можем быть их учителями, мы, которые совершили больше ошибок, чем они. Меня часто спрашивают: будучи матерью Карло, что бы вы хотели сказать молодым людям, чему вы хотели бы их научить? И я говорю: ничему; они лучше меня.

Пер. с англ. Аркадия Блумбаума

¹ Входящая в движение группа, практикующая радикальные формы гражданского неповиновения.